

Каразин Николай Николаевич

Повести, рассказы и очерки

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
Н63

Н63 **Николай Николаевич К.**
Повести, рассказы и очерки / Каразин Николай Николаевич – М.: Книга по Требованию, 2023. – 407 с.

ISBN 978-5-519-88190-6

Содержание. Катастрофа на Кастенском перевале в Туркестане; Город мертвых; Юнуска-головорез; Лагерь на Аму-Дарье; Байга; Старый Кашкара; Охота на тигра в русских переделах; Страшное мгновение; Кочевья по Иссык-Кулю; Зара-Булакские высоты; Рахмед-Инак, бек Заадинский; Ак-Томак; Ургут; Богатый купец бай мирза-Кудлай

ISBN 978-5-519-88190-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Катастрофа на Кастекскомъ перевалѣ.

КАТАСТРОФА НА КАСТЕКСКОМЪ ПЕРЕВАЛѢ ВЪ ТУРКЕСТАНѢ.

Въ половинѣ декабря 1867 года, мнѣ и многимъ товарищамъ по экскурсіи пришлось перебраться съ южныхъ склоновъ Александровскаго хребта на сѣверные.

Въ Токмакѣ мы оставили свои экипажи, обыкновенные казанскіе тарантасы, чуть-ли не единственный родъ экипажей, укатывающихъ наши безконечные азіатскіе тракты. Дорога предстояла горная, съ страшными косогористыми подъемами и еще болѣе опасными спусками. Надѣ было подняться на высоту почти девяти тысячъ футовъ и оттуда спускаться въ тѣснины Кастекскаго ущелья. Тогда еще только начата была разработка этой дороги, единственной соединяющей двѣ области: Семирѣчинскую и Сыръ-Дарьинскую; разработка эта была самая поверхностная: кое-гдѣ взорваны порохомъ загораживающія путь глыбы гранита и чернаго аспидника... Еще конный могъ пробраться кое-какъ по этой исковерканной дорогѣ; съ трудомъ проходили вьючные лошади; верблюжьи караваны не рѣшались идти здѣсь и огибали на Боамское ущелье...

— Что-же это онъ задумалъ, что на такую опасность лѣзеть?

— Стало-быть спѣшно. Да его больше подмываетъ, что вчера полковника изъ Аулы-та переправили въ тарантасѣ— „ну, говоритъ, значить можно —вези и меня—а я никакихъ денегъ не пожалѣю“.

— А вы не беретесь?

— Да намъ что? казаки, пожалуй, возмутся, коли комендантъ позволить. Народу много надо будетъ, человѣкъ пятнадцать. Да вонъ онъ самый: на дворѣ съ ребятами разговариваетъ, должно отъ коменданта вернулся...

— Кто?

— Купецъ этотъ. Ну что, ваше степенство, какъ дѣла? поднялся урядникъ съ боченка...

Въ дверяхъ показался человѣкъ лѣтъ тридцати, высокій, плотный, съ густою черною бородою, подстриженною по американски. Онъ былъ въ бараньемъ кафтанѣ, перетянутымъ ремнемъ, въ дорогой бобровой шапкѣ и въ высокихъ сапогахъ, отороченныхъ какимъ-то мѣхомъ.

Вошедшій окинулъ глазами комнату, и замѣтивъ наше общество, подошелъ къ столу.

— Павелъ Ниссенъ, сибирскій купецъ; позвольте представиться, произнесъ онъ симпатичнымъ густымъ голосомъ.

Мы назвали ему свои фамилии и предложили мѣсто за столомъ.

— Я ѣду въ Вѣрный, и пока въ настоящую минуту нахожусь въ самомъ критическомъ положеніи... Дорога, говорятъ, такъ опасна...

— Очень даже, замѣтилъ одинъ изъ моихъ товарищей.

— Я знаю, я это хорошо знаю, я не первый разъ здѣсь ѣзжу; вотъ только семейство мое въ первый разъ испытываетъ это удовольствіе.

Въ голосѣ Ниссена слышалось раздраженіе, которое онъ никакъ не могъ скрыть, какъ ни старался объ этомъ.

— Развѣ нельзя какъ-нибудь верхомъ устроить нашу поѣзду?.. сказалъ я,—я говорю нашу, потому что, вѣроятно, мы завтра отправимся всѣ вмѣстѣ.

— Это было-бы очень хорошо!.. обрадовался сибирскій купецъ,—но верхомъ... моя жена... дѣти...

— Мы разберемъ вашихъ малютокъ себѣ на сѣдла, закупаемъ ихъ,—ваша супруга...

— Нѣтъ, этого невозможно; она совсѣмъ больна, да она и не отдастъ дѣтей; она никому ихъ даже на минуту не повѣрить. Да, наконецъ, вздоръ! можно и въ экипажѣ. Трудно, очень трудно, но „невозможно“. Я не понимаю это слово „невозможно“, что такое, въ самомъ дѣлѣ, „невозможно“!—Вздоръ!

— Вы немножко взволнованы, кажется.

— Еще-бы: я здѣсь сижу вторые сутки: мои дѣла требуютъ непременно моего присутствія въ Вѣрномъ и жена заболѣла...

— Попытаться можно, вмѣшался урядникъ,—только если ребята согласятся. Они давеча сказывали: „пусть дастъ по пяти рублей на брата; выйдетъ десять человѣкъ; можетъ, какъ-нибудь на арканахъ и можно проѣхать.

— Давно-ли проѣхалъ одинъ... стало-быть, можно-же...

— Можно, конечно, только трудно... Опять-же то полковникъ, по казенному дѣлу...

— А я дамъ вашимъ казакамъ не только по пяти,—по десяти на брата, и это будетъ гораздо дѣйствительнѣе... чѣмъ...

— Коли комендантъ позволить, то отчего-же...

— Комендантъ позволить, сегодня-же...

Ниссенъ всталъ и направился къ дверямъ.

— Куда-же вы?

— Къ коменданту. А вы пока...

— Да помилуйте, за нами дѣло не станетъ.

— Пожалуйста. До свиданія.

— Горячая голова, замѣтилъ мой товарищъ по уходѣ сибирскаго купца.

— Десять на брата—шутка-ли! соображалъ урядникъ.—А какъ съ кручи, да внизъ головой!.. вѣдь безъ мала три версты внизъ летѣть—страсть!..

— Ничего, Богъ милостивъ!

— Да уже только на него одного и надежа!

Къ вечеру мы узнали, что Ниссенъ добился отъ коменданта разрѣшенія нанять казаковъ изъ мѣстнаго гарнизона для переѣзда черезъ Кастекскій перевалъ въ экипажѣ.

Онъ сіялъ. Онъ самъ лично договорился съ казаками, далъ имъ задатокъ, и торжествующій ушелъ къ „магазинному смотрителю“ ночевать, гдѣ его ожидало семейство.

Отъѣздъ былъ назначенъ на другой день рано утромъ, и мы уговорились ѣхать непременно вмѣстѣ—общео кавалькадою.

День былъ пасмурный. Горы заволокло сизыми густыми облаками, пошелъ снѣгъ пополамъ съ дождемъ.

— Коли и завтра такъ-же, такъ еще ничего, а вотъ коли подморозить, такъ это будетъ просто бѣда, сообщилъ одинъ изъ казаковъ, искоса поглядывая на довольно объемистый тарантасъ Ниссена, запряженный тройкою почтовыхъ лошадей и совершенно готовый къ отъѣзду.

— Ну, не каркай! замѣтилъ ему урядникъ,—ворона!

— Чего „не каркай“! Я такъ къ слову.

— Ладно—не въ добрый часъ скажешь слово... оно...

Урядникъ замолчалъ и снявъ свою папаху, набожно перекрестился.

Мы тронулись.

Впереди ѣхало наше общество, къ которому пристроился и Ниссенъ, верхомъ на казачей лошади; за нами вели вьючныхъ лошадей, дробно перебирающихъ своими мохнатыми ногами подъ тяжестью нашихъ чемодановъ и узловъ, затѣмъ нашъ тарантасъ, а сзади всѣхъ, растянувшись чуть не на полверсты шли сибирскіе казаки и человѣка два вооруженныхъ мѣстныхъ киргизовъ.

Мы ѣхали неторопясь и только къ сумеркамъ добрались до первой станціи въ семи верстахъ отъ Кастекскаго перевала, или правильнѣе сказать, начала подъема. Здѣсь, на Кара-булакѣ (названіе станціи) мы остановились на ночлегъ, что

хотя и довольно рановато было, но принимая во вниманіе, что намъ пришлось-бы въ потемкахъ подниматься на горы, иначе поступить было-бы довольно рискованно.

Станція состояла изъ двухъ кошечныхъ кибитокъ: одной по-больше, доставшейся намъ, путешественникамъ, другой— крохотной желомейкѣ, занятой нашими казаками.

Госпожа Ниссенъ, довольно красивая, молодая, но сильно болѣзненная и нервная женщина,—угостила насъ превосходнымъ чаемъ съ ромомъ. Мужъ былъ необыкновенно веселъ, разговорчивъ, болталъ за десятерыхъ, острилъ, рассказывалъ анекдотъ за анекдотомъ; въ немъ не замѣтно было и тѣни вчерашней раздражительности. Онъ поставилъ на своемъ, а это для подобныхъ натуръ самое главное.

Мы не знали, насколько храбро смотрѣла его жена на это путешествіе, но, зная, что это уже неизбежно, мы скрывали настоящіе размѣры опасности и на ея разпросы отвѣчали нѣсколько уклончиво, впрочемъ, въ успокоительномъ тонѣ.

Нигдѣ знакомства не сводятся такъ скоро, какъ вообще въ дорогѣ; здѣсь-же на полудикихъ путяхъ нашихъ окраинъ это правило достигаетъ самыхъ крайнихъ размѣровъ. Къ вечеру мы были уже совершенно знакомы со всею семьей, нянчили и ласкали двухъ прелестныхъ малютокъ Ниссена, пѣли хоромъ и по одиночкѣ, а я, вырвавъ листки изъ своего походнаго альбома, рисовалъ дѣтямъ разныхъ звѣрьковъ, преимущественно лошадокъ, и привелъ этихъ двухъ крохотныхъ цѣнителей искусства въ полнѣйшее восхищеніе своими работами.

Веселые и довольные легли мы спать, завернувшись въ свои шубы и только съ восходомъ солнца поднялись на ноги и стали готовиться къ перевалу.

Сегодняшній день былъ полною противоположностью вчерашнему. Солнце такъ и сверкало на ясно-голубомъ морозномъ небѣ; вершины горнаго хребта бѣлѣли чудною зубчатою линіею; правѣ тянулась безконечная равнина рѣки „Чу“, голубоватой извилиной пересѣкающей скалистую пустыню. Не болѣе какъ черезъ полчаса мы достигли подошвы горъ и начали подниматься. Впрочемъ, мы не замѣтили самого нача-

ла подъема; онъ начинается такъ отлого, что намъ казалось, будто гора еще далеко впереди и мы все еще ѣдемъ по ровной дорогѣ. Только обернувшись назадъ, мы увидали равнину внизу, какъ-бы съ птичьяго полета, и какъ красива показалась намъ эта снѣжная степь, испещренная кое-гдѣ пространствами, заросшими желтымъ, высохшимъ камышемъ и изрѣдка разброшенными дымящимися кочевками кара-киргизовъ.

— Какъ хорошо, какъ хорошо! поминутно восклицала madame Ниссенъ, высовываясь изъ экипажа.

— Страсти какія—ничего нѣтъ хорошаго, ворчала старушканиня...

— Слизко, чортъ-те дери! шепталъ какъ-бы про себя старый казакъ и, обратясь къ подобравшемуся конвою, добавилъ:—осмотри арканы, скоро путать будемъ.

Упряжная тройка, вся въ мыль, дружно потягивала постромки и ходко взбиралась все выше, останавливаясь на минуту, гдѣ было удобнѣй и переводя духъ.

— Къ верху-то ничего, самая страсть какъ внизъ спускаться станешь!

Человѣкъ пять казаковъ подхватили уже веревками за задокъ тарантаса и помогали упряжнымъ лошадямъ.

— Пустяки! отлично перевалимъ!.. говорилъ Ниссенъ, гарцуя вокругъ экипажа.—Ну, вотъ говорили „невозможно“!—а дѣло все въ томъ, что рѣшительности не хватаетъ.

Часу въ двѣнадцатому мы взобрались на самую высокую точку перевала и остановились.

— Съ подъемомъ имѣю честь поздравить! провозгласилъ Ниссенъ, поднимая оловянный стаканчикъ съ виномъ.

— Съ удовольствіемъ, отвѣчалъ я,—но еще будетъ пріятнѣе поздравить васъ съ благополучнымъ спускомъ.

Казакамъ тоже дали по стаканчику водки; выпили даже и киргизы, которые хотя сначала и отнѣкивались, ссылаясь на указанія корана, но потомъ соблазнились, глядя на казаковъ, и выпили,—да выпили такъ, что сразу дали замѣтить, что это далеко не первый шагъ къ нарушенію корана.

— Ну, помощи Господи, пошли Владычица Небесная! крестились и причитывали сибирцы, когда поѣздъ тронулся.

Съ каждымъ шагомъ впередъ, передъ нашими глазами начали развертываться самыя грандіозныя картины. Самыми непредвидѣнными зигзагами изгибалась опасная дорога—пропасти безъ дна, затянутыя голубоватою дымкою тумана, зіяли то съ правой, то съ лѣвой стороны... Притупились острые шипы подковъ по этимъ камнямъ, покрытыхъ мѣстами ко-рою льда... Иногда путь шелъ карнизомъ, лѣпясь къ почти отвѣсной скалѣ. Эти мѣста особенно были страшны на заворотахъ: косогоромъ сползала дорога, и горе тому, кто-бы поскользнулся на этомъ страшномъ косогорѣ... Груды камней, положенныя мѣстами, какъ барьеры, на окраинѣ обвала, могли-бы еще удержать отдѣльнаго всадника... но...

— Осторожнѣй, братцы! крѣпче сдерживай! береги! покрываль урядникъ.

— Царица небесная, не выдай! шептали казаки, натягивали веревки отъ экипажа.

Упряжная тройка теперь играла самую незначительную роль. Коренникъ, сильно упираясь и почти сползая назадъ, только направлялъ ходъ экипажа — оба тормоза глухо шуршали и пронзительно взвизгивали, когда колесо надвигалось на гладкую поверхность камня. Какъ туго натянутая струна, протягивались веревки отъ задка экипажа къ сѣдламъ верховыхъ, осторожно спускающихся за тарантасомъ. Дорога не позволяла ѣхать рядомъ съ экипажемъ и потому наше общество ѣхало впереди, поминутно оглядываясь назадъ при каждомъ подозрительномъ шумѣ. Намъ такъ и казалось, что вотъ-вотъ раздастся грохотъ и трескъ оборвавшихся веревокъ—и *все это* полетитъ *туда*...

А тамъ, далеко внизу, какъ точки виднѣлись, совершенно въ планѣ, нѣсколько киргизскихъ кибитокъ, и бродило какое-то стадо, но за дальностью нельзя было рассмотреть, что именно.

Блѣдный, весь сосредоточившись на одной мысли, ѣхалъ Ниссенъ передъ самою коренною лошадью.

— Да, я не предполагалъ, чтобы это было дѣйствительно такъ страшно, чуть прошепталъ онъ и не рѣшился оглянуться назадъ на эту красивую женщину, одѣпенѣвшую, въ какомъ-то нѣмомъ ужасѣ стиснувшую въ своихъ объятіяхъ двухъ

малютокъ, наивно выглядывающихъ изъ мѣховыхъ воротниковъ и совершенно недоумѣвающихъ:—да въ чемъ-же, наконецъ, дѣло?

Это была страшная минута!

— Скоро внизу будемъ, ломаннымъ русскимъ языкомъ произнесъ кара-киргизъ, ѣхавшій впереди,—вонъ за этимъ камнемъ—(онъ протянулъ впередъ руку съ нагайкою)—тамъ еще немного, и хорошо пойдетъ тамъ...

Металлическій звукъ... звукъ страшный—потому что мы его боялись, такъ и рѣзнулъ нашъ слухъ...

Мы не рѣшались оглянуться... это было мгновеніе тяжелаго, невыносимаго колебанія.

Мы помнили, что каждый разъ, когда намъ приходилось оглядываться, мы не видали казаковъ—ихъ загораживала масса экипажа... Теперь мы видѣли этихъ казаковъ, стоящихъ неподвижно, блѣдныхъ, съ раскрытыми ртами, съ дико вытаращенными взглядами.

На темно-сѣромъ фонѣ каменистой дороги виднѣлась волнистая линія оборванныхъ веревокъ; какой-то красный лоскутъ такъ и лѣзъ въ глаза; мѣдный бубенчикъ, отскочившій должно быть отъ уздечки пристяжной лошади, со звономъ катился по дорогѣ, зацѣпилъ за камень, звякнулъ послѣдній разъ и остановился, засѣвъ въ расцѣлинѣ.

— Помяни, Господи, души усопшихъ рабъ твоихъ!.. тихо шепталъ урядникъ.

Мы взглянули на Ниссена.

Онъ улыбнулся и, ловко избоченясь, всматривался куда-то вдаль, точно видѣлъ тамъ что-нибудь интересное.

— Видите, обернулся онъ ко мнѣ, и голосъ его не былъ тотъ, который мы слышали прежде. Это говорилъ человѣкъ, совершенно намъ незнакомый.

— Видите, говорилъ онъ, — вонъ облачко, за облакомъ правѣ орелъ... ха-ха-ха!.. вотъ штуки!.. я первый разъ вижу орла съ гитарою въ рукахъ...

«Dis moi, Venus, quel plaisir trouves tu...»

Завылъ онъ дикимъ голосомъ, и это вытье обдало насъ смертельнымъ холодомъ.